

УДК 94(3); 930.27

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ НА БОСПОРЕ

© 2018 г.

Ф.В. Шелов-Коведяев

Независимый исследователь, Москва

shel-kov@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

Публикуются эпиграфические стихотворные фрагменты: 1) на обломке закраины килика типа С начала V в. до Р.Х. из Пантикапея даёт новую эпиклезу Диониса и позволяет выделить богатый дионисийский пласт в боспорской топонимике, включая понимание названия «Боспор» как «путь Быка-Диониса»; 2) на поддоне ножки килика типа С первой четверти V в. до Р.Х. несёт на себе любовное сочинение фанагорийской гетеры, обращённое ею к своему покровителю; 3) на куске белой штукатурки из Гермонассы дарит сенсацию – стихи древнеаттической комедии, выводящие подругу Фемистокла гетеру Сатиру, – и демонстрирует высокую образованность жителей этого полиса в классический период.

Ключевые слова: графрито, шриффт, стих, килик, полис, метр, ямб, ионик, хориямб, анапест.

Эпиграфисты не избалованы боспорскими ненадгробными и невогивными частными стихотворными памятниками. Тем более отраднее, что ныне представилась возможность весомо пополнить их число, заодно расширив наши знания об уровне эрудиции боспорян в эпоху классики.

I

Гимн¹ Дионису из Пантикапея

В 1969 г. 23-летний начинающий учёный Ю.Г. Виноградов опубликовал графрито первого стиха Малой Илиады, в котором он рассмотрел школьный экзерсис юного ольвиополита [2, с. 142–150]. Статья его сразу явила яркий образец фирменного стиля исследователя, всегда умевшего извлечь из любого текста максимум исторической информации. Данная публикация вспомнилась, когда в моих руках, благодаря любезности руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина В.П. Толстикова, коем у я приношу самую искреннюю благодарность, оказался фрагмент (М-2016, оп. № 221) закраины аттического чернолакового килика типа С, найденный на горе Митридат в 2016 г. в слое рубежа VI–V вв. до Р.Х. и хранящийся в коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (далее – ВКИКМЗ, см. рис. 1). Здесь, если держать черепок краем чаши вниз, в две строки читается – $\text{IONYΣOMΠOΛ/MΦIΛOMOΛ}^2$.

Безальтернативно дополняемое, учитывая дважды повторяющуюся в тексте ассимиляцию носового перед последующим губным, в стк. 1 имя Диониса заставляет видеть в последующих за ним литерах его эпитеты и – в стк. 2 – член в аккузативе. И если конечное Филомольп очевидно, то Пол требует более подробного раз-

мышления. Для стихотворной, как станет понятно, надписи из семи вариантов завершения данного буквосочетания – πολύβουλος , πολυγα/ηθής , πολυειδής , πολύκωμος , πολύμορφος , πολυπότης и πολύῦμνος [3, S. 951; 4, S. 91] – идеально подходит второй. «Многорадостный» = «несущий много радости» есть не только известная, начиная с Гомера и Гесиода, и излюбленная от Пиндара до орфических гимнов периода Римской Империи [например, 3, S. 707, Anm. 3; 4, s.v.] Дионисова эпikleза, но и применяется она почти исключительно к нему. Да и все другие её носители оказываются тесно с ним переплетены: Музы (связаны с Дионисом [см. 4, S. 178] не менее, чем с Аполлоном – ср. далее); обожествлённая Φύσις у орфиков [4, S. 219]; Ἦραι πολυγηθέες , т.е. $\text{Ἦραι φίλαι Διονύσου}$ [3, S. 478].

Φιλόμολος , «любящий пение и танец», был среди прилагательных, начинающих на φίλο- , фаворитом у поэтов раннего V в. до Р.Х. [5, p. 20]². Но вот в связке с Дионисом он, хотя и ожидаемо, встречается впервые. Получение из боспорского материала нового Дионисова Veipame само по себе трудно переоценить.

Так складывается поэтическая фраза³:

$\Delta\iota\acute{o}\nu\sigma\omicron\mu\ \acute{\rho}\omicron\lambda[\upsilon\gamma\alpha/\eta\theta\eta\grave{\eta}\ ||$

$\overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}\overset{\cdot}{\text{u}}\ \overset{\cdot}{\text{u}}\ \overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}\overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}$
io io

$\tau\acute{o}\mu\ \acute{\rho}\omicron\lambda\acute{o}\mu\omicron\lambda[\rho\omicron\nu\ \text{e.g.}\ \acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}\delta\omega/\kappa\iota\kappa\lambda\eta\sigma\kappa\omega\ (\text{vel}\ \mu\eta\lambda\omega\ \kappa\tau\lambda.).$

$\overset{\cdot}{\text{u}}\ \overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}\overset{\cdot}{\text{u}}\ \overset{\cdot}{\text{u}}\ \overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}\overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}$ (vel $\overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}\overset{\cdot}{\text{u}}\text{---}$ etc.)
cho io ^

Обращает на себя внимание, что использование трёх иоников (обычных/анакластических) в двух соседних стихах, с перебивкой их хориямбом в начале второго (как здесь), и вообще было популярно в греческой лирике, и не толь-

Он.№221

Рис. 1. Гимн Дионису из Пантикапея

ко ([11, с. 54: варианты соседства иоников и хориямбов; с. 55: ионик с предшествующим ему в начале стиха хориямбом, начиная с Сапфо (ср. с. 56); с. 89: игра поэтов с иониками и хориямбами, чтобы сблизить их звучание; с. 92: ионики после хориямбов в «Персах» Эсхила]). Однако особенно важно, что их сочетание специально присуще сочинениям, где выступает Дионис [11, с. 55: ионики и хориямбы в культовых песнях Дионису], со свитой или без, например, Вакханкам Эврипида (*Eur. Bacchae*. ed. Kopff): напр., ст. 90 – два ионика, ст. 91 – хориямб + ионик⁴; ст. 155 – хориямб + ионик. Это создаёт для поэтического понимания обломка мощное основание. А нанесение граффито на *перевернутый* черепок однозначно определяет его как ученическое упражнение: именно на них обычно шли ни на что более не годные куски сосудов.

Возможно, – по аналогии с изданным Виноградовым началом Малой Илиады, – мы сталкиваемся с цитатой из – неизвестного, правда, на сей раз – сочинения. Если это так, то пополнение корпуса стихов, адресованных Дионису профессиональными поэтами, – маленькая сенсация. Коли же такое мог самостоятельно сочинить подросток в пантикапейском гимнасии, – это ещё более значимо.

Сам же факт того, что первая ранняя стихотворная запись, найденная в Пантикапее, связана именно с Дионисом, влечёт за собой весьма серьёзные исторические коннотации. Ведь она позволяет думать, что Дионисов культ играл на Боспоре роль отнюдь не второго ряда (иную точку зрения см.: [12, с. 14, 21, 27; 13]; ср. [14; 15]).

Если взглянуть на давно доступные сведения с такой точки зрения, то стóит по-новому отнестись, в первую голову, к некоторым боспорским топонимам. Известно, в частности, что издревле Дионис считался божеством всей растительности [например: 8, р. 152 ff.], а устойчивое словосочетание κήτος Διονύσου, «сад Диониса» обозначало его царство, при этом сам бог носил прозвание κήτοος или κητεός, «садовый» [3, S. 693, Anm. 1]. Тогда городок Азиатского Боспора Κήτοι («Сады»), расположенный чуть северо-западнее Фанагории, где – ни в нём самом, ни в его округе – археологически не уста-

новлены заметные садовые плантации, вполне может иметь дионисийское название.

То же относится и к топониму Нимфей, Νύμφαιον, ибо неразрывность нимф (а то, что город поименован по ним, никогда ни у кого сомнений не вызывало) и Диониса в эллинской мифологии не требует долгой аргументации. Диониса часто звали πατήρ, «отец» [16, S. 1548; 4, S. 91], его почитали в виде Πατρώϊος, «Отчего» (Paus. I. 43. 5) [ср. 3, S. 690, Anm. 3; ср. его же эпитет πατριώτης: 4, S. 91]. Значит, локализуемый недалеко от *Κην* Патр(а)ей (ср. также лексему πάτρα, «отчизна», и имя полиса в Ахайе – Πάτραι) – Патра-εὺς (Strab. XI. 2. 8)⁵ или Πάτρα-σ(σ)υ/ις (Hecat. fr. 198) допустимо прочитывать – «отеческий», т.е. «дионисов». Да и «дарованная богом» Θεου/δοσίη – Феодосия, к которой примыкают плодородные степи, очевидно должна быть сюда сопричислена, т.к. Дионис (ср. его эпитеты θεο/υδαίσιος [16, S. 258]) нередко звался просто «богом» [см., например: 3, S. 698, Anm. 4 – θεός μέγας].

У него была ипостась Апатурия (присуща не одному ему, можно ли её возводить к тому же корню, что и ἀπάτη, «обман», не вполне ясно: не зря подробно исследовавший её Тохтасьев в итоге воздержался от категорического вывода [19, с. 111–117, особенно 116–117]), и его культ в таком обличье был тесно связан с Афродитой (о семантике её образа в связи с хтоническими мотивами поклонения Дионису – см. ниже; ср. [20, с. 649, 670 слл.]). Поэтому в святилище Афродиты в Апатуре, расположенном близ Гермонассы (с «филиалом» подле или в Фанагории [21, с. 138–143]), поклонялись, судя по последним данным, им обоим. Недаром там обнаружены артефакты, указывающие на почитание Диониса, а в Гермонассе найдено граффито на основании чернолаковой солонки IV в. до Р.Х. [22, р. 302, № 937] с аполлонийско-вакхическими возгласами ΙΑΕΥ (ТмГс-94 VII/46 № 108, хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве⁶).

Перейдём к боспорским династическим и аристократическим антропонимам. Эпиклезы Диониса Σάτυρος, Εὐμηλος и Εὐϊος нашли своё отражение в повторяющихся именах тиранов Левконидов/Спартокидов – Сатир и Эвмел – и в распространённости личного имени Эвий в среде высших сановников Боспора вплоть до эпохи домината (о последнем см. [23]).

Далее, древнейший пласт образа Диониса есть олицетворение порождающих сил природы в виде племенного быка. Отсюда – его «бычий» и эпитеты (βοόκραϊρος/βουκέρως/ταυροκέρως «бычьерогий», βουγενής/ταυρογενής «быкорождённый», βουφόνος «быкоголосый», κερατοφυής «роговидный», ταυρομέτωπος/ταυρωπός «бычье-

ликий, быкообразный», ταῦρος «бык», ταυρόμορφος/ταυροφύης «быковидный», ταυρόφαγος «быкочеловек», χρυσόκερως «золоторогий» и т.п.), и аллюзии в поэзии [4, S. 81, 92], и отражённые на критских фресках ещё минойской эпохи знаменитые акробатические игры с быком как элемент культа плодородия, дошедшие до сего дня в напрочь переосмысленном виде в испанской корриде. Всё это сообщает нам возможность полагать, что этноним крымских туземцев «тавры» и происходящего от них топонима «Таврика» / полуостров Таврический были переосмыслены греками как «бычьи»=дионисовы. Не зря, видимо (см. ниже), мифографы (Hug. 120: только ли реплика Эврипида?) и трагики (Эсхил и Эврипид) отправляли туда Ореста [6, p. 776] (о нём, как прадионисийской ипостаси Диониса-Аида см. [24, с. 79]) и Ифигению.

Хтоническая же сторона представлений о Дионисе [8, p. 11, 16] отразилась, в частности, в мифах не только о Минотавре, Ариадне и т.д., но и о дионисовом нисхождении в Аид за своей матерью Семелой. Последнее [20, с. 656, 672 сл.] особенно интересно в связи с тем, что Меотиды (Азовское море) и Керченский пролив воспринимались греками как разлившееся устье Танаиса (Дона), а дельты рек были в их же представлениях, по понятным причинам (всякий речной поток начинается с родника, бьющего из-под земли или из горы), преддверием подземного мира. Следовательно, полностью оправдано видение топонима «Боспор» (βοῶς πόρος, ср. древнее название Босфора – Боспор Фракийский в связи с популярностью Диониса во Фракии, перенесённое впоследствии на киммерийские берега⁷) не в народно-этимологической парадигме (глубины не позволяли гонять скотину через пролив, даже когда в античности море стояло на 3–4 метра ниже⁸), но в значении «путь быка» – не буквально, а переносно: «путь Диониса».

Так получают ранние сведения о хтоническом Дионисе на Боспоре, которых столь не достаёт И.Ю. Шаубу [см., например, 27, с. 133–136]. В свою очередь, Дионисовы параллели Керченского полуострова объясняют, как и почему таврская богиня-Дева слилась в сознании колонистов Юго-Западного Крыма с образами Кору-Персефоны/Ифигении и стала патроном Херсонеса Таврического.

Конечно, Дионисийский культ непрерывно сопровождал любого эллина в течение всего годового цикла, отмеряя в нём его важнейшие отрезки. Однако исключительный массив разнородных и разноплановых данных, в концерте бьющих в одну точку именно на Боспоре, от-

крывает, что греки жили тут непосредственным переживанием признаков прямого присутствия Диониса в Северо-Восточном Причерноморье.

II

Любовное послание из Фанагории

В 2001 г. после трагической смерти Ю.Г. Виноградова за его именем в журнале «Вестник древней истории» [28, с. 103–104] появилась крошечная (по вычету колонтитула, названия и резюме – менее 1 странички типографского текста) заметка, посвящённая любопытному фанагорийскому граффито на опорной поверхности ножки аттического килика (тип С) первой четверти V в. до Р.Х., найденного в 1977 г. в слое начала классического времени на раскопе «Верхний город». Его транскрипция была дана в следующем виде: ΣΙΜΟΝΧΑΡΙΕΣΣΑ: ΕΙΜΙΚΑΛΛΟΣΑΓΑΘΕΚΑΙΜΕΤΡΙΕ, а чтение предложено такое: Σίμων χαρίεσσα·εἰμί κάλλος, ἀγαθὴ καὶ μετρίε («Симон, милая! Я сама красота, добрая и умеренная»).

В иных обстоятельствах можно было бы только аплодировать усердию коллег покойного. Но, к сожалению, данная публикация – пример того, как поспешность, движимая даже самыми прекрасными устремлениями, – приносит устойчивому репутации больше вреда, чем пользы.

Чтение материала оставляет стойкое впечатление, что он не был до конца доработан рукою мастера. Не отмечена выявленная мною при аутопсии⁹ интерпункция (её глубина и нарочитость отличается от встречающихся рядом то тут, то там выщерблин лака) между ΣΙΜΟΝ и χαρίεσσα: нижняя точка здесь частично наложилась на *ню* (как в χαρίεσσα на завершающую прилагательное *альфу*: см. рис. 2). *Гамма* не лунарна, но представлена формой развёрнутой галочки со скруглённым углом, которая, как тут же отмечается Ю.Г., известна, кроме Эвбеи, и в Ionia Asiatica [29, fig. 46; 30, tav. I–III] – регионе Теоса. *Хи*, с учётом заворачивания надписи, имеет вид косоугольного, хотя и чуть завалившегося набок (что свойственно и другим символам, прежде всего *альфе*, *эпсилону* и *сигме*), а не прямого креста; *ро* с усиком под полукружьем зафиксировано в Ионийском Двенадцатиградье и его колониях [29, fig. 46 and Table of Letters; ср. 31]. Точно так же начертание *ε* знаком E, а не H, в ионийском ареале характерно не единственно эвбейским артефактам [32, S. 35; SGDI 5366 (Аморгос); DGEEP 757–759 (Наксос), 765–766 (Кеос)], – не исключая милетские [DGEEP 731 B 3, 6] и теосские (до сер. V в. до Р.Х.) [33, 135.1 (классическое время); 261 b 9 (469–459 гг. до Р.Х.); 262 b 7 (480–450 гг. до Р.Х.)]. Тем бо-

Рис. 2. Любовное послание из Фанагории

лее оно неудивительно в первой четверти того же столетия в Фанагории, ибо известно, что на периферии особенности графики сохранялись даже дольше, чем в центре. Непонятно, почему далеко не редкая, включая Ионию ([29, Table of Letters]), трёхчастная *сигма* сопровождается знаком вопроса.

Часть перечисленных моментов, как и сама интерпретация граффито, спровоцировали беспрецедентные в научной биографии Ю.Г. Виноградова *addenda*, *corrigena* et *desiderata*. Лоран Дюбуа сделал замечание, что происхождение стихотворца требует более тонкого подхода, ибо если говорить об Эвбее, то речь может идти лишь об Эретрии и юге острова, где, впрочем, влияние аттического алфавита с начала V в. до Р.Х. упразднило некоторые характерные особенности местного письма, привлекая внимание первоиздателя. Саму же надпись он предложил читать «О Симон (женское имя ср. р. в звательном падеже. – *ФШК*), я полна (т.к. килик в греческом языке есть слово ж. р. – *ФШК*) очарования моею красотой, добрая и умеренная» [BE 2003, 394]. А Ангелос Ханиотис, разделяя мнение Ю.Г. Виноградова, что граффито может быть связано с гетерой, ставит вопрос: не будет ли в таком случае более удачным понимание, в котором сосуд женского рода обращается к мужчине Симону (вместо гипокористического женского антропонима Σίμων предлагается мужское Σίμων) [SEG. LI. 2001 (2005). № 991]?

Убеждён, что если бы Ю.Г. Виноградов сам готовил свой текст к печати, он, несомненно, с присущей ему непринуждённой лёгкостью отразил бы все перечисленные возможности, дал бы ответ на все вопросы, проанализировал бы, как обычно, все детали и версии и пришёл бы к незыблемому в своей правоте решению (см.

ниже). Если он этого не сделал, значит, перед нами не законченная авторская работа, а отдельные, как всегда блестяще, выписанные её фрагменты, перемежающиеся даже не набросками других частей, но некими заметками к будущему эскизу, не предполагающими опубликования. Сугубо предварительный характер им написанного подтверждается комментарием издателей («тезисы к докладу») к вышедшим годом позже за рубежом [34, р. 79–80] его наблюдениям – на сей раз с фотографией предмета.

К счастью, исправить ситуацию помогают собственные интуиции мэтра. Прежде всего, – поскольку стихотворная природа граффито схвачена им, вне всякого сомнения, верно – отмечу, что Виноградов снайперски попал и в ключевую для всего изучения памятника точку – *сгук* между средним родом единственного существительного (τὸ κάλλος) и тремя (!) женскими прилагательными. И он сам тут же предложил выверенный всем опытом тончайшего эллиниста и искуснейшего эпиграфиста единственно правильный выход из неразрешимой *prima facie* контroversы – метонимическое перенесение понятия «красота» (ср.р. в греческом) на килик (ж.р.), что позволило сочинителю сочетать несовместимое в обычных обстоятельствах. Наконец, он же (а вслед за ним Дюбуа) отметил двусмысленность стиха, где хвалебные эпитеты могут быть равно отнесены на счёт и чаши, и влюблённой поэтессы.

Следуя точно по пути, намеченному выше-названными реперами, а также интерпункцией, отделяющей не только начало строки от её окончания и *χαρίεσσα* от *εἰμί*, но и ΣΙΜΟΝ от ΧΑΡΙΕΣΣΑ, и предложением Ханиотиса видеть в ΣΙΜΟΝ Σίμων, звательный падеж от мужского личного имени Σίμων, получаю – ΣΙΜΟΝ: ΧΑΡΙΕΣΣΑ: ΕΙΜΙΚΑΛΛΟΣΑΓΑΘΕΚΑΙ ΜΕΤΡΙΕ – Σίμων·χαρίεσσα εἰμί κάλλος, ἀγαθὲ καὶ μετρίε «О Симон, я прелестная красота, добрая (*тебе*) и соразмерная» – любовную стихотворную фразу, написанную гетерой (лишь они обладали среди эллинских женщин достаточным для того образованием) в изящном ритме ямба – анапест – ямба – ямба – анапест – ямба – ямба. Аналогичное сочетание метров (об анапестах см.: [11, с. 50–51]) встречается в эпиграфике (см., например, семи-словное граффито V в. до Р.Х. из Ольвии [35, nr. 177 I]), где цезура проходит прямо посередине между двумя симметричными группами метров: ἡδύτοτος κύλιξ εἰμί || φίλη πίνοντι τὸν οἶνον (в первой части стоит либо хориямба и анапест, либо, что лучше соответствует симметрии, спондей с растяжением второго краткого, обычный ямба и анапест, во второй – ямба, ямба и анапест – с дополнительным кратким в конце каждой группы).

В подкрепление моей интерпретации приведу следующие аргументы. Во-первых, интерпункция явно выделяет обращение к объекту чувств. Во-вторых, не должно смущать прекращение словоразделения после второго слова: пишущая поняла, что продолжай она как прежде, она не удержится в пределах поля обода поддона – подобных примеров хватает в эпиграфике, в т.ч. «малой» (например, Syll.³ 1260. 3). В-третьих, и аналогий вовсе нелогичной границы – делит имя и отчество, член и существительное (IGDS 25, 77, 134), наречие и остальной текст (SEG XXXII 805) и даже литеры внутри одной лексемы (DGEER 757; Syll.³ 1260=IGDOP 4) – немало в архаическое и классическое время. В-четвёртых, могущий показаться неприемлемым порядок слов (впрочем, такого рода перестановки известны уже в поэмах Гомера) – *χαρίεσσα εἰμί κάλλος* (прилагательное–глагол–существительное) – имеет твёрдую базу в распространённых на киликах с раннеархаической эпохи надписях типа *εὔποτος εἰμί κύλιξ*. Например, в стихотворном заголовке к достославной метрической же надписи (возможно, самой ранней: VIII в. до Р. X.!) на кубке Нестора из Питекусс *Νέστορος μ[έ]ν εὔποτ[ο]ν ποτέριο[ν]* Маргерита Гвардуччи на полном основании, опираясь на версифицированные формулы *τοῦ δαίνοιο εἰμί κύλιξ/λήκυθος* [35, p. 163, n. 177 c; p. 164, n. 177 f], считает подразумеваемым глагол *εἰμί* между *εὔποτ[ο]ν* и *ποτέριο[ν]* [30, 226–227, № 6 (с библиографией)]. Или в граффито на стенке чернолакового килика V в. до Р.Х. из Нимфея (Эрм. ГК/Н 74; раскопки Е.Е. Люценко 1876 г.) – *εὐθυμίας εἰμί κύλιξ* [36, с. 73–74, № 108] (с прорисовкой и ссылкой на Е.М. Придика). Можно в этой связи вспомнить и стихотворные надгробия, где, наряду со стандартными оборотами *τοῦ δαίνοιο μνήμα/σημα/τάφος εἰμί, εἰμί τοῦ δαίνοιο μνήμα/σημα/τάφος* и *εἰμί μνήμα/σημα/τάφος τοῦ δαίνοιο*, регулярно находим и *τοῦ δαίνοιο εἰμί μνήμα/σημα/τάφος* [37, Nr. 111, 112]. В-пятых, чаша есть общечеловеческая метафора женского естества, и греческая культура тут, натурально, не исключение. В-шестых, «добрая» в любовном языке означает «доступная». В-седьмых, *μετρίη* в том же контексте значит «соответствующая/подходящая размером». В-восьмых, местоположение откровенного граффито на поддоне ножки, когда оно достаточно скрыто, подтверждает, что писала любящая игривая женщина: обычную дарственную надпись оставляли на открытых местах. В-девятых, смелость декларации, видной посторонним при выпивании вина в застолье, утверждает авторство особы свободных нравов. В-десятых, именно такое

понимание, на мой взгляд, придаёт отмеченной всеми двусмысленности стиха завершенность.

Существование в Фанагории института гетер через 70 (отталкиваясь от нижней даты килика) – 80 (исходя из верхней его датировки) лет после её основания [см. 31] говорит о весьма развитой полисной организации апойкии. Остаётся решить, была наша «дама полусвета» заезжей знаменитостью, и если да, то – откуда? Считаю, что предлагать её эвбейское или другое «иностранный» происхождение нет никакой необходимости. Выше было показано, что буквы надписи и особенности её транслитерации ($\epsilon=\bar{\epsilon}=\eta$) вполне находят себе соответствия в восточноионийском регионе, где находился Теос, фанаторийская метрополия. Итак, представший в новом свете памятник ещё раз [ср. 38] свидетельствует об очень высоком уровне образования в Фанагории, в школе гетер в том числе, в раннеклассическое время.

III

Фрагмент аттической комедии из Гермонассы

В фондах ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве хранится происходящий из раскопок античной Гермонассы 1969 г. кусочек белой штукатурки (ТмГс-69 Нг IV+V/47 № 271) с граффито в три строки: *ΣΑΤΥΡΑΠ[- / -]ΕΤΑΝΚΑΙΤΗ[- / -]ΛΙ Ν* (см. рис. 3: из-за невозможности отразить белое по белому на фотографии и рисунке, даю его в вывертке¹⁰). Текст нанесён, скорее, небрежно, но там, где графемы дают достаточно оснований для вынесения суждения об их форме, они могут быть датированы не ранее чем серединой – второй половиной V в. до Р.Х. На это же указывают и условия находки (сопровождающий материал на отметке 9,4 м из культурного слоя общей мощностью ок. 11 м)¹¹.

На удачу, в стк. 2 сохранилась аористная форма 3-го лица ед.ч. от глагола **τλάω* («сметь, дерзать, решаться, осмеливаться») – *ἔτλη*. Для дальнейшего важно, что она не просто хорошо засвидетельствована, начиная с Гомера (LSJ, s.v.), но и представлена в эпиграфике Афин в обценном контексте: *ἔτλη λακκότρ[ῶ]κτος / ἡ Συδρόμαχος* – «Решил(ся) распущенный (=распутный) задом (*vom*) этот Сидромах» [39, p. 14, n. C 23; вторая четверть V в. до Р.Х.]. Точно так же в стк. 1 читается женское имя Сатиры в аттической огласовке – *Σατύρα* (в ионийском диалекте оно звучало бы *Σατύρη*). Считать соседство обоих фактов простым совпадением было бы слишком большим допущением. Куда продуктивнее искать ему объяснение на афинской почве.

44. Тм Г-69 Нг
IV+V/32 №271

Рис. 3. Фрагмент аттической комедии из Гермонассы

И действительно в собрании фрагментов неизвестных комических авторов Августа Майнеке [40, S. 631, Nr. CVI] мы обнаруживаем в комментариях Евстафия к Гомеру следующий понятийный ряд, адресованный *scortis meretricibusque*: ἀνασεισίφαλλος, ἀνασύρτολις, ἀπομύζουρις, βορβορόπη, γεγωνοκόμη, εἰλίπους, λεωφόρος, μανιόκηπος, μύζουρις, πανδοσία, πολύυμνος, **σατύρα**, σπουδησιλαῦρα, χαλκιδίτις, χαμαιτύπη. Евстафиевы пассажи столь красноречивы, что их стоит процитировать хотя бы частично: **κωμική λέξις** ... ἡ δὲ εἰρημένη οὐρὰ καὶ ἀπομύζουριν παρήγαγε γυναῖκα τὴν αἰσχροποιὸν ... καὶ πανδοσία ... βορβορόπη (Eustath. 862, 38–42) [41, p. 53]; ὁ (i.e. Элий Дионисий. – *ФШК*) δηλοῖ φησιν ... αἱ (i.e. ἑταῖραι. – *ФШК*) καὶ ἀνασεισίφαλλοι ... **παρὰ τῇ κωμῳδίᾳ** (Eustath. 1413, 27–29) [42, p. 53]; Ἐν δὲ τοῖς ῥητορικοῖς λεξικοῖς φέρεται ... καὶ ἡ σπουδησιλαῦρα, τούτεστιν ἡ πόρνη ... ὡς φασιν **οἱ παλαιοὶ** ... καὶ χαμαιτύπη ... καὶ λεωφόρος ... καὶ πανδοσία ... καὶ χαλκιδίτις ... καὶ πολύυμνος ... δὲ γε ἡ μανιόκηπος ... καὶ ἀνασεισίφαλλος, καὶ μύζουρις ... ἀνασύρτολις, καὶ **σατύρα**, καὶ εἰλίπους, καὶ γεγωνοκόμη (Eustath. 1921, 57–66) [43, p. 275].

Бросается в глаза, что Евстафий перемешал в своей сводке (что прямо следует из его собственных толкований) идиомы совершенно разного порядка. Наряду с «профессиональными» кличками – ἀνασεισίφαλλος («тербящая (возбуждающая) фаллос»), (ἀπο)μύζουρις («сосущая (=соска)»), εἰλίπους («раскатывающаяся (=раздвигаящаяся) нога»), λεωφόρος («имеющая отношения (сходящаяся) со всеми»), πανδοσία («всем дающая (=давалка)»), χαλκιδίτις («бронзашная (=грошова)»), ироничными прозвищами – γεγωνοκόμη («оглашающая селенье стонами»), μανιόκηπος («бешеный передок»), и бранью – ἀνασύρτολις («потаскуха»: см. ниже), βορβορόπη («грязная дырка»), σπουδησιλαῦρα («усердная сточная канава»), χαμαιτύπη («шлю-

ха»), – у него попадают и характеристики совсем иного смысла – πολύυμνος («знаменитая») и сатира. При этом он *expressis suis verbis* ссылается на словоупотребление *древней* комедии, сохранённое в лексиконе ораторов.

А так как *σατύρα* производит чёткое впечатление широко известного женского личного имени, ставшего нарицательным, и стоит оно рядом с πολύυμνος – одним из двух (второе – πανδοσία) прилагательных, подходящих к нашей надписи, имеет смысл поискать даму, которая была бы в некоем смысле настолько знаменита, чтобы попасть на тростинку комического поэта. Тут нам снова улыбается удача.

Гетера Сатира была одной из подруг самого Фемистокла афинянина. У Афиня (XIII. 576c) [44] читаем: Θεμιστοκλῆς τε, ὡς φησιν Ἰδομενεύς (FHG II, 491) ... ἦσαν δ' αὐταὶ Λάμια καὶ Σκιώνη καὶ Σατύρα καὶ Νάννιον. Куда уж славнее! Недаром её вспоминают писатели и спустя 700 лет по прошествии её романа с легендой Аттики.

В итоге, в стк. 1 читается Σατύρα π[ολύ]υμνος. Поскольку же речь точно о гетере, то к –]λιῦ стк. 3 подходит единственное определение из евстафиева списка – ἀνασύρτο]λιῦ. Все комментаторы, древние и, следом, современные, связывают его с глаголом ἀνασύρω – «задирать (в т.ч. подол платья), обнажать(ся), выставлять напоказ (в т.ч. подводить человека)». Я же предлагаю приглядеться к восходящим к тому же *verbum* существительному ὁ σύρτης («верёвка/машина для вытягивания/натягивания») и прилагательному сурτός, -ή, -όν («волочащийся, тянущийся, тащущийся»). Следуя за их семантикой, получаем, что злосчастная Сатира называется ещё и потаскухой!

Здесь уместно вспомнить, что, согласно «Суде» (Suid. s.v. Μυσάχην), уже ямбограф второй половины VI в. до Р.Х. Гиппонакт Эфесский высказался об особе лёгкого поведения Мисахне: ἀνασυρτόπολιν [45, S. 494, fr. 110]. Думается, исправление выданной оценки, предложенное Иоганном-Генрихом Фоссом и принятое другими специалистами, на ἀνασύρτολιν [45, S. 495, fr. 110] избыточно, ибо ἀνασυρτόπολις прекрасно может означать «таскающаяся по (*всему*) городу», что укрепляет предложенную мною трактовку понятия ἀνασύρτολις.

Итак, сткк. 2–3 реконструируются: ἔτλη καὶ τῆ[v ἀνασύρτο]λιῦ. По сути того, что пока удалось восстановить, получается, что знаменитая Сатира решила(сь) стать потаскухой. В таком случае, впереди ἔτλη можно дополнять στήναι (тут буквально «встать», т.е. выйти на панель). Поскольку же Сатира, как выяснилось, была выведена в комедии, судя по периоду деятель-

ности Фемистокла в Афинах, не позднее второй четверти V в. до Р.Х. (Хионида? Кратина? иного «древнего» комедиографа?), надо проверить, насколько полученный текст надписи соответствует ритму комической поэзии.

У меня выходит следующее (о сочетаемости анапестов с иными метрами см. [11, с. 50–51] и раздел II настоящей статьи):

Σατύρα π[ολύ]υμνος
 υ υ', υ υ' υ,
 αναρ αναρ ^
 στῆναι] ἔτλη καὶ τῆ[ν ἀνασῦρτο]λιν
 — || υ υ —, υ υ', υ υ' υ υ
 cho ia¹² αναρ ^
 vel — —'
 sp

«Сатира знаменитая решила(сь) стать и потаскухой». Иное членение стиха: анапест–анапест–ямб–анапест–анапест ^ – непозволительно, т.к. при нём словораздел прошёл бы прямо через стопу ямба, что недопустимо (см., например: [11, с. 30 и др.]).

ἔτλη: muta cum liquida не дают у профессиональных стихотворцев долготы предыдущей силлабы. στῆναι, καί: дифтонг в открытой позиции, как правило, засчитывается за краткий слог. Впрочем, если считать καί долгим, это ничего в понимании граффито принципиально не изменит – напротив, только его упрочит. Анапесты активно использовались, например, Аристофаном (например, [46, р. 238]). Вперемежку с ямбами они – обычное явление, отражённое и в эпиграфике [47, S. 745; раздел II настоящей статьи]. Однако для καὶ τῆ[ν второго стиха может быть предложено и более элегантное решение: в комедии два начальных кратких слога анапеста часто заменялись одним долгим, превращая его в формальный спондей (например, [46, р. 238]). στῆναι ἔτλη: хориямб следом за анапестами с паузой после первого долгого применялся тем же Аристофаном для пародирования трагических анапестов [46, р. 242], что в случае, когда поэт третирует Сатиру за размовку с Фемистоклом, создаёт дополнительный иронический эффект. В итоге фразу можно видеть целиком анапестической, с обыкновенными вариациями метров. Образуются вполне комедийные вирши. Не они ли, дающие разом и Σατύρα, и πολύ]υμνος, и ἀνασῦρτο]λις, оставили след в комментарии Евстафия?

Произведение должно было быть создано по горячим следам (комедия всегда писалась на злобу дня, была, можно сказать, памфлетом древности) расставания Сатиры с Фемистоклом (в связи с проблемами его политической карьеры, приведшими его к изгнанию из Афин?), ко-

гда она уже выбрала себе нового покровителя, за что её и травит, возможно, сторонник или наймит государственного деятеля. Версия, согласно которой её порицают за то, что она влилась в коллектив фавориток политика, кажется менее вероятной.

Нет нужды, что начала строк надписи не совпадают: она сделана на стене и не может подчиняться требованиям синхронных лапидарных памятников. Само по себе замечательно, что она – сенсационно – и дарует новый стих из неизвестной ближе «древней» аттической комедии, и приносит доказательство не только существования в Гермонассе (как ещё ранее в соседней Фанагории – см. раздел II) института гетер, но и прекрасных литературных знаний гермонасситов второй половины V в. до Р.Х.

В заключение попытаюсь представить, кто, где и почему решил оставить такое граффито. До недавних пор считалось, что копаются окраина Гермонасского полиса. Но теперь, когда подводные разыскания открыли существование затопленного, как в Фанагории, подлинно Нижнего города, стало очевидно, что исследуется центр Гермонассы¹³. То есть район, занятый общественными зданиями и весьма подходящий для проживания статусной женщины свободных нравов. Не исключено, что обломок штукатурки принадлежал некогда облицовке её дома. Вероятно, она была тёзкой той самой – афинской – Сатиры, либо имя последней уже успело стать обобщающим. А напомнил дорогой куртизанке о себе, таким образом излив свой гнев на стенку, либо не допущенный до полной интимности обиженный поклонник, либо отвергнутый ради более успешного конкурента бывший любовник.

Примечания

1. Термин «гимн» я использую в принятом сейчас широком смысле хвалебной песни всякому античному божеству *par excellence* [1, р. 6 and n. 4].

2. Ср. его прозвища *μελλόμενος* в литературе [3, S. 710–711; 6, S. 343] и *μουσαγέτης* в надписях о. Наксос [3, S. 676 Anm. 2, 711 Anm. 1] (плюс порою даже Аполлон в облике *Διονυσόδοτος*: Paus. I 31, 4 [ср. 7, Sp. 1033; о синкретизме двух божеств см. [8, р. 202 ff.; 9, с. 322 слл., 326–327]; ср. [10, с. 127–128].

3. Здесь и далее *курсивом* выделены неполностью сохранившиеся или небрежно выписанные символы.

4. Согласно Снеллю, завершения ст. 90–91 нельзя считать эпитритом.

5. О предпочтительности данной формы и её семантической связи с *πατήρ* писал С.Р. Тохтасьев, ср. также его сомнения относительно её корреляции с делением гражданского коллектива на *πάτραι*, поскольку в Милете соответствующие образования известны как *πατρίαί* [17, с. 82–87] и, по данным Н. Эрхардта, на которого он ссылается, лишь с I в. до Р.Х. [18, S. 105–106]; добавлю от себя, что появились

они, по аналогии с другими новшествами, собранными Эрхардтом, по-видимому, под римским влиянием).

6. Благодарю А.К. Коровину, передавшую мне на обработку коллекцию гермонасских граффити, и их хранителя С.И. Финогенову, подтвердившую моё право.

7. Jeu d'ésprit Тохтасьева [25, с. 86–92] о фракийском происхождении термина основана на зыбкой ссылке на произведение византийского автора, а нераскрытые им «другие источники» суть надписи – см. название деревни *Βεσσαλάρα* и общины *Βεσσαλαρενοί* в ВЕ 51.142, 61.400, 62.198, которые помещают топоним, как и Прокопий свою крепость *Βοσλάρα*, в верхнем течении реки Марица в район между Пловдивом и Пазарджиком на территории современной Болгарии, откуда до Босфора *по прямой* не менее 411 км, что делает идею усопшего просто невозможной.

8. См. [26, с. 29, 66 и др.]. Теперь глубина, – исключая прорытый судоходный канал, – в самом узком месте пролива у косы Чушка достигает 7–8 м, у косы Тузла – 5–6 м, значит, на минимуме они были 3–4 и 1–2 м соответственно, что, с учётом топких илистых отложений, достигавших в центре не менее 20 метров, – сейчас в разы больше, губительно для крупного, не говоря о превалировавшем тогда мелком, рогатого скота и лошадей. Полагаю, «рассказы старожил» о таких перегонах сохранили, при посредстве передачи через множества народов и эпох, в превратной форме воспоминания о набегах по льду скифов, о которых рассказывает Геродот (Hdt. IV. 28).

9. Искренне благодарю за такую возможность при разборе витрин замечательной выставки «Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства», прошедшей в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве 27 июня – 17 сентября 2017 г., руководителя Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН, директора археологического музея-заповедника «Фанагория» В.Д. Кузнецова.

10. Сердечно благодарю мою жену Н.В. Шелову-Коведяеву за изготовление рисунка и шуринка А.В. Копылова за перевод его в компьютерный формат.

11. Не могу в очередной раз не поблагодарить передавшую мне в конце 1980-х годов надпись на публикацию доброй памяти А.К. Коровину, в экспедиции которой я в 1970 году впервые прикоснулся к археологии, и хранителя коллекции С.И. Финогенову, подтвердившую моё право на издание.

12. Об одиночных ямбах см.: [11, с. 53, 56].

13. Сердечно благодарю за предоставленную в августе 2017 г. информацию начальника Таманской (Гермонасской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина Т.А. Ильину.

Список сокращений

АМА – Античный мир и археология.
ВДИ – Вестник древней истории.
ДБ – Древности Боспора.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
ВЕ – Bulletin épigraphique.

DGEEP – Dialectorum graecorum exempla epigraphica potiora (hrsg. von E. Schwyzler).

IGDOP – Inscriptions grecques dialectales d'Olbia Pontique (réc. par L. Dubois).

IGDS – Inscriptions grecques dialectales de Sicile (réc. par L. Dubois).

LSJ – A Greek-English Lexicon (ed. by H.G. Liddell, R. Scott & H.S. Jones).

SEG – Supplementum epigraphicum graecum.

SGDI – Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften (hrsg. von H. Collitz und F. Bechtel).

Список литературы

1. Hackworth C.M. Reading Athenaios' Epigraphical Hymn to Apollo: Critical Edition and Commentaries. Columbus, 2015.
2. Виноградов Ю.Г. Киклическая поэзия в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142–150.
3. Preller L. Griechische Mythologie. 6. Aufl. Berlin, 1923.
4. Bruchmann C.F.H. Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Leipzig, 1893.
5. Moore Chr. The name-calling origin of the *philosophos* // Drafts of Pennsylvania State University. 2012. July. P. 1–32.
6. Nilsson M.P. Geschichte der Griechischen Religion. Bd. II. 2. Aufl. München, 1955.
7. Roscher W.H. (Hrsg.). Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. I. Leipzig, 1890.
8. Otto W.F. Dionysus. Myth and Cultus. Bloomington – London, 1965.
9. Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М., 1957.
10. Шауб И.Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. // Проблемы исследований античных городов (тезисы докладов III научных чтений памяти В.Д. Блаватского. Москва, январь 1987 г.). М., 1989. С. 127–128.
11. Снелль Б. Греческая метрика. М., 1999.
12. Шауб И.Ю. Эллинистические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.
13. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
14. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
15. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. К., 2005.
16. Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. I–II. München, 1906.
17. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Фролов Э.Д. (ред.) Проблемы античного источниковедения. М. – Л., 1986. С. 82–87.
18. Ehrhardt N.: Milet und seine Kolonien. Fr.a.Main – Bern – N.Y., 1983.
19. Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117.
20. Шауб И.Ю. Боспорские курганы и захоронения представления боспорян // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 635–682.

21. Тохтасьев С.Р. Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 138–143.
22. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plane Pottery of the VIth, Vth and IVth Centuries B.C. (Athenian Agora Vol. XII). Princeton, 1970.
23. Шелов-Коведяев Ф.В. Двусторонняя надпись из станицы Недвиговской // АМА. 2018. Т. 19. (в печати).
24. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. 2-е изд. СПб., 1994.
25. Тохтасьев С.Р. ВОСПОРОС // Боспорский феномен. 1999. С. 86–92.
26. Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М., 1985.
27. Шауб И.Ю. Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. // Боспорский феномен. 1999. С. 133–136.
28. Виноградов Ю.Г. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. 2001. № 1. С. 103–104.
29. Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1970.
30. Guarducci M. Epigrafia Greca. Vol. I. Roma, 1967.
31. Шелов-Коведяев Ф.В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3. С. 97–106.
32. Bechtel F. Griechische Dialekte. Bd. III. 2. Aufl. Berlin, 1963.
33. McCabe D.F., Plunkett M.A. Teos Inscriptions. Texts and List. Princeton, 1985.
34. Vinogradov Yu.G. The Visit of an Euboean to Phanagoria // G.R. Tsatskhelidze & J.G. de Boer (eds.) Talanta. Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society. Vol. XXXII–XXXIII. 2000/2001 (2002). P. 79–80.
35. Friedländer P., Hoffleit H.B.: Epigrammata: Greek Inscriptions in Verse. From the Beginning to the Persian War. Berkeley – Los Angeles, 1948.
36. Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. – Л., 1953.
37. Peek W. Griechische Vers-Inschriften. Bd. I: Grab-Epigrammen. Berlin, 1955.
38. Шелов-Коведяев Ф.В. Школьная поэзия в Фанагории // ДБ. 2018. Т. 22. С. 239–242.
39. Lang M.L. Graffiti and Dipinti (Athenian Agora. Vol. XXI). Princeton, 1976.
40. Meineke A. Fragmenta Comicoorum Graecorum. Vol. IV. Berlin, 1841.
41. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Iliadem Commentarii. Vol. 3. Cambridge. 2010.
42. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Odysseam Commentarii. Vol. 1. Cambridge. 2010.
43. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Odysseam Commentarii. Vol. 2. Cambridge. 2010.
44. Kaibel G. (ed.). Athenaei Deponosopistae. Vol. III. Lipsiae, 1862.
45. Th. Bergk (ed.). Poetae Lyrici Graeci. Bd. II. Lipsiae, 1882.
46. Humphreys M.W. Metres and Rhymes. In: Aristophanes Clouds ed. by M.W. Humphreys. Boston, 1913.
47. Kaibel G. Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. Berlin, 1878.

ANCIENT GREEK POETRY ON BOSPORUS CIMMERIAN

F.V. Shelov-Kovedyaev

In this paper, we publish some epigraphic poetry fragments. 1) A fragment of the attic *kylix* (type C) brim from the early 5th century B.C. found in August 2016 in Panticapaeum. It contains two initial verses of a school exercise honouring Dionysus. Their reconstruction gives the following text: Διονύσομ πολ[υγα/ηθῆ τῶ]μ φιλόμολ[πον e.g. ἀεῖδω «I sing of Dionysus bringing a lot of joy and loving songs and dance». The inscription gives a new important *epiclesis* of Dionysus – φιλόμολπος – and makes it possible to identify a rich Dionysian layer in Bosporic toponymy, including the understanding of the name «Bosporus» as «the Way of Dionysus the Ox». 2) The inscription on the pan of *kylix* of type C (1st quarter of V B.C.) found in Phanagoria in 1977: Σίμων· χαρίεσσα εἰμὶ κάλλος, ἀγαθὲ καὶ μετρίε «Simon (*masculine name*), I am the charming beauty, accessible for you and right by my size» – the verse phrase of *hetaera* addressed to her lover, the proof that the institution of *hetaeras* existed in Phanagoria. 3) A fragment of white plaster found in 1969 in Hermonassa is a real sensation. It contains two verses of the earlier unknown ancient Athenian comedy – Σατύρα π[ολύ]μνος στῆναι] ἔτλη καὶ τῆ[ν ἀναστύρτο]λιν «Famous *Satyra* resolved to stay a slut» – concerning the famous Athenian *hetaera* Satyra, the girl-friend of Themistocles. This inscription demonstrates the Hemonassian citizens' high level of knowledge of literature.

Keywords: graffito, script, verse, kylix, polis, meter, iambus, ionic, choriambus, anapest.

References

1. Hackworth C.M. Reading Athenaios' Epigraphical Hymn to Apollo: Critical Edition and Commentaries. Columbus, 2015.
2. Vinogradov Yu.G. Kiklicheskaya poehziya v Ol'vii // VDI. 1969. № 3. S. 142–150.
3. Preller L. Griechische Mythologie. 6. Aufl. Berlin, 1923.
4. Bruchmann C.F.H. Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Leipzig, 1893.
5. Moore Chr. The name-calling origin of the *philosophos* // Drafts of Pennsylvania State University. 2012. July. P. 1–32.
6. Nilsson M.P. Geschichte der Griechischen Religion. Bd. II. 2. Aufl. München, 1955.
7. Roscher W.H. (Hrsg.). Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. I. Leipzig, 1890.
8. Otto W.F. Dionysus. Myth and Cultus. Bloomington – London, 1965.
9. Losev A.F. Antichnaya mifologiya v eyo istoricheskom razvitii. M., 1957.

10. Shaub I.Yu. O sinkretizme Apollona i Dionisa na Bospore v IV v. do n.eh. // Problemy issledovanij antichnyh gorodov (tezisy dokladov III nauchnyh chtenij pamyati V.D. Blavatskogo. Moskva, yanvar' 1987 g.). M., 1989. S. 127–128.
11. Snell' B. Grecheskaya metrika. M., 1999.
12. Shaub I.Yu. Ehllinskie tradicii i varvarskie vliyanija v religioznoj zhizni grecheskih kolonij Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n.eh.): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 2010.
13. Shaub I.Yu. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n.eh. SPb., 2007.
14. Rusyaeva A.S. Religija i kul'ty antichnoj Ol'vii. Kiev, 1992.
15. Rusyaeva A.S. Religija pontijskih ehllinov v antichnuyu ehpohu. K., 2005.
16. Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. I–II. München, 1906.
17. Tohtas'ev S.R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. I: ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Frolov Eh.D. (red.) Problemy antichnogo istochnikovedeniya. M. – L., 1986. S. 82–87.
18. Ehrhardt N.: Milet und seine Kolonien. Fr.a.Main – Bern – N.Y., 1983.
19. Tohtas'ev S.R. Bosporskaya legenda ob Afrodite Apaturous // VDI. 1983. № 2. S. 111–117.
20. Shaub I.Yu. Bosporskie kurgany i zagrobnye predstavleniya bosporyan // Bosporskie issledovaniya. 2014. Vyp. XXX. S. 635–682.
21. Tohtas'ev S.R. Apatur. Istoriya bosporskogo svyatilishcha Afrodity Uranii // VDI. 1986. № 2. S. 138–143.
22. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plane Pottery of the VIth, Vth and IVth Centuries B.C. (Athenian Agora Vol. XII). Princeton, 1970.
23. Shelov-Kovedyayev F.V. Dvustoronnyaya nadpis' iz stanicy Nedvigovskoj // AMA. 2018. T. 19. (v pechati).
24. Ivanov V.I. Dionis i pradionisijstvo. 2-e izd. SPb., 1994.
25. Tohtas'ev S.R. ΒΟΣΠΟΡΟΣ // Bosporskij fenomen. 1999. S. 86–92.
26. Shelov-Kovedyayev F.V. Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.eh. M., 1985.
27. Shaub I.Yu. Nekotorye aspekty kul'ta Dionisa na Bospore v IV v. do n.eh. // Bosporskij fenomen. 1999. S. 133–136.
28. Vinogradov Yu.G. Vizit ehvbejca v Fanagoriyu // VDI. 2001. № 1. S. 103–104.
29. Jeffery L.H. The Local Scriptions of Archaic Greece. Oxford, 1970.
30. Guarducci M. Epigrafia Greca. Vol. I. Roma, 1967.
31. Shelov-Kovedyayev F.V. K rannej istorii Fanagorii // PIFK. 2018. № 3. S. 97–106.
32. Bechtel F. Griechische Dialekte. Bd. III. 2. Aufl. Berlin, 1963.
33. McCabe D.F., Plunkett M.A. Teos Inscriptions. Texts and List. Princeton, 1985.
34. Vinogradov Yu.G. The Visit of an Euboean to Phanagoria // G.R. Tsetskhladze & J.G. de Boer (eds.) Talanta. Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society. Vol. XXXII–XXXIII. 2000/2001 (2002). P. 79–80.
35. Friedländer P., Hoffleit H.B.: Epigrammata: Greek Inscriptions in Verse. From the Beginning to the Persian War. Berkeley – Los Angeles, 1948.
36. Tolstoj I.I. Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ya. M. – L., 1953.
37. Peek W. Griechische Vers-Inschriften. Bd. I: Grab-Epigrammen. Berlin, 1955.
38. Shelov-Kovedyayev F.V. Shkol'naya poehziya v Fanagorii // DB. 2018. T. 22. S. 239–242.
39. Lang M.L. Graffiti and Dipinti (Athenian Agora. Vol. XXI). Princeton, 1976.
40. Meineke A. Fragmenta Comicorum Graecorum. Vol. IV. Berlin, 1841.
41. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Iliadem Commentarii. Vol. 3. Cambridge. 2010.
42. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Odysseam Commentarii. Vol. 1. Cambridge. 2010.
43. Stallbaum J.G. (ed.). Eustathii ad Homeri Odysseam Commentarii. Vol. 2. Cambridge. 2010.
44. Kaibel G. (ed.). Athenaei Deponosophistae. Vol. III. Lipsiae, 1862.
45. Th. Bergk (ed.). Poetae Lyrici Graeci. Bd. II. Lipsiae, 1882.
46. Humphreys M.W. Metres and Rhymes. In: Aristophanes Clouds ed. by M.W. Humphreys. Boston, 1913.
47. Kaibel G. Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. Berlin, 1878.